

# РЕЦЕНЗИИ

## Александр Осипов

**Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия / Под ред. Виктора Воронкова, Бориса Гладарева, Лилии Сагитовой. – СПб.: Алетейя, 2011. 638 с. ISBN 978-5-9141-9537-0.**

*Alexander Osipov. Address for correspondence: European Centre for Minority Issues, Schiffbruecke 12, 24939, Flensburg, Germany. osipov@ecmi.de.*

Говоря без преувеличения, выход в свет этой монографии – событие. Изучение посредством качественных методов роли и смыслов этнических различий в обыденной жизни, особенно при взаимодействии граждан с представителями государства, в России проводится крайне редко. При исследовании этнических проблем предпочтение обычно отдается идеологически оформленной и формально структурированной деятельности, чаще всего неправительственных организаций, а производство и использование категоризаций в повседневных интеракциях изучается и интерпретируется почти исключительно с помощью количественных методов.

В монографии, которая несколько выправляет этот дисбаланс, изложены результаты более чем четырехлетнего сравнительного социологического исследования, проведенного совместно Институтом социальных исследований и гражданских инициатив (ИСИГИ, Казань) и Центром независимых социологических исследований (ЦНСИ, Санкт-Петербург) при поддержке фонда Дж. и К. Макартуров.

Изначально участники проекта предполагали провести включенное наблюдение в отделах милиции (ныне полиции) в Казани и Санкт-Петербурге. Планировалось на протяжении нескольких месяцев изучать процедуры приема граждан, практики патрулирования улиц и рутинную работу участковых инспекторов. Однако осуществить этот замысел удалось только в Казани, поскольку сотрудники ЦНСИ не смогли получить официального разрешения на проведение включенного наблюдения. В обоих городах были собраны глубинные интервью с сотрудниками милиции и мигрантами, экспертные интервью с представителями высшего эшелона сотрудников министерства внутренних дел (МВД), с лидерами этнических организаций, с журналистами и правозащитниками. Были проанализированы материалы прессы и доступные нормативно-правовые акты, регламентирующие работу милиции.

Фокус исследования – взаимодействие сотрудников милиции с людьми, которые выделяются по внешним признакам и фенотипически отличны. Таким образом, в центре исследовательского интереса оказались две социальные категории: сотрудники милиции и те, кого авторы условно называют «этническими» мигрантами – приезжие из бывших советских республик Средней Азии и Кавказа. В книге взаимодействие этих категорий описано с точки зрения самих милиционеров и мигрантов.

Авторы справедливо отмечают, что монография предназначена не только для специалистов-социологов, юристов и государственных служащих. Книга написана простым языком и может быть полезна широкому кругу тех, кто интересуется проблемами современной милиции и российской миграционной политики. Для самых разных читателей детальный обзор того, как и по каким правилам функционирует на низовых уровнях одна из наиболее разветвленных бюрократических систем – МВД, будет нелишним.

Органы внутренних дел представляют собой закрытую централизованную систему, лишенную внешнего контроля. Деятельность милиции носит карательный и репрессивный характер; население выступает только как объект надзора, но не как адресат сервиса или партнер. Централизация, закрытость и неподконтрольность обуславливают то, что основным регулятором выступает не закон, а ведомственные инструкции, приказы вышестоящего руководства и неформальные практики.

Положение сотрудников (в первую очередь – рядовых) двойственно. С одной стороны, они полностью зависимы от вышестоящих начальников и вынуждены исполнять любые приказы, даже если они противоречат закону. С другой стороны, формальные и неформальные правила оставляют для них существенную свободу выбора при принятии решений. Они обладают значительными властными полномочиями, однако остаются одной из наиболее бесправных, низкооплачиваемых, а в последние годы и стигматизированных профессиональных категорий. В результате сотрудники милиции получают возможность конвертировать властный ресурс в административную ренту; механизмы ее получения на разных иерархических этапах оказываются различными и на низовом уровне оборачиваются поборами наименее защищенных групп населения.

Вместе с тем имеется расхождение между объемом задач, которые системе номинально предстоит решать, и имеющимися возможностями; активность исполнителей во многом носит имитационный характер и в значительной степени оказывается нацеленной на улучшение отчетности. В результате контрольная и репрессивная деятельность милиции приобретает избирательный, в том числе по этническому признаку, характер. Проверкам и вымогательству подвергаются наиболее уязвимые и легко распознаваемые категории, в том числе мигранты. Проверки и задержания людей, не имеющих легального статуса, или тех, чей статус может быть произвольно аннулирован, позволяют улучшить показатели отчетности. Имеют значение и иницилируемые политическим руководством репрессивные кампании против «нелегальной миграции» или определенных этнических групп, и ксенофобия, насаждаемая средствами массовой информации и заявлениями вы-

сокопоставленных чиновников, и потребности сотрудников милиции в посттравматической компенсации.

Едва ли можно сказать, что книга содержит какие-то сенсации и открывает в системе МВД что-то такое, что раньше было принципиально неизвестно. Схемы и принципы, по которым работает милиция, по частям описывались и раньше, если не в научных публикациях, то в прессе, и, в общем, не были тайной для тех, кто интересуется данной темой. Новое, что дает монография, – это цельная, детальная, подкрепленная множеством эмпирических данных картина; это ряд деталей, сведения, которые раньше не публиковались или на которых не акцентировалось внимание.

Важный результат проекта – демонстрация того, что включенное наблюдение и другие качественные методы, в принципе, можно (даже при противодействии государственной машины) применять для исследования закрытых организаций и сообществ в современной России. Представляется, что для многих читателей (и, в частности, для молодых, начинающих социологов) будет особенно интересна глава, посвященная методологической рефлексии исследователя по поводу полученного опыта полевых наблюдений.

Книга также служит иллюстрацией двух проблем, с которыми часто сталкиваются исследователи, занимающиеся этнической проблематикой. Первая – это отсутствие границ между разного типа дискурсами, разными эпистемологическими позициями и разными категориями знания. В данном случае особенно важны различия, во-первых, между обыденным здравым смыслом и восприятием исследователя, во-вторых, между гражданской и научной позициями.

Проект направлен на изучение очень сложной области социальной реальности, в обыденной жизни «невидимой» для тех, кто в нее не включен. Здравый смысл подсказывает объяснение там, где нет эмпирических данных. Гражданская позиция, точнее, моральное неприятие окружающих реалий, зачастую заставляет отбрасывать сомнения. Сделанные выводы обосновываются в лучшем случае цитированием экспертов, в худшем – только риторически.

Суждения наподобие того, что ксенофобские публикации СМИ создают дискриминационные мотивации у милиционеров и «простых» граждан, не противоречат ожиданиям и потому не вызывают возражений. Беда в том, что люди, пишущие от лица науки о «засилье мигрантов», «конфликте культур», «импорте преступности и коррупции», тоже руководствуются собственным здравым смыслом. Соревнование разных объяснений и интерпретаций, основанных на домыслах, может быть очень интересным и стимулирующим творческую мысль, но вряд ли способно объяснить поведение людей. Рефлексия по поводу экспансии обыденного знания и обыденного языка в эмпирические исследования и интерпретацию их результатов никогда не бывает лишней. Авторы во введении только коснулись этой темы, а она заслуживает более подробной разработки.

Вторая проблема – это собственно социальное конструирование этнических или расовых различий. В создании и применении категоризаций участвуют разные агенты. Если стоит задача понять причины поведения людей и смыслы, которые они в него вкладывают, то подход к разным ситуациям разграничения (инди-

видуальное поведение, функционирование организации, перспектива внешнего наблюдателя) и к разным контекстам интерпретации этих различий должен быть изначально дифференцированным. В данном случае, по моему мнению, такая дифференциация была проведена недостаточно скрупулезно.

Во введении вместо постановки методологической проблемы, связанной с пониманием того, что есть «этнически» и «расово» избирательное поведение, с самого начала расставлены все точки над «і» и предложена завершенная объяснительная схема. Читателю сразу указано, что избирательный подход в действиях милиции можно без сомнений называть «этническим», что этот феномен связан с общим распространением этнической ксенофобии, что увязывание предполагаемой этничности с фенотипическими признаками – «рутинизированная и не вызывающая вопросов повседневная практика», потому что в обществе выработаны устойчивые представления о связи происхождения, внешности и «культуры».

Между тем дальнейшее изложение результатов исследования говорит о несколько иных вещах, и окончательные выводы авторов не столь категоричны. Тезис о том, что окружающая социальная реальность воспринимается в этнических терминах и делится по этническим линиям, нуждается, как минимум, в серьезных оговорках и пояснениях. Обнаруживается, что для сотрудников милиции (особенно хорошо это прослеживается на казанском материале) граница между «своими» и «чужими» носит скорее социально-географический характер, а деление на такие, казалось бы, различные «этнотипы», как русские, татары или другие народы Поволжья – по крайней мере, из перспективы милицейской службы – значения не имеет. Распознавание же проблемных категорий происходит по иным признакам. Эти признаки в процессе работы сами сотрудники милиции часто затрудняются описать и объяснить, а вот рационализация происходящего постфактум (в ходе интервью), а также те объяснения, которые приводят наблюдатели в лице СМИ, ведомственных экспертов, политиков и даже исследователей, уже выстраиваются в терминах этничности или культуры.

Пока что указанные исследовательские проблемы в России обсуждаются крайне редко – причина в малом числе заслуживающих внимания публикаций. И это обстоятельство еще раз указывает на особое значение монографии: один из первых шагов, сделанных на долгом пути, одна из пока еще немногих работ, которые должны стимулировать дальнейшие исследования и дискуссии.